Дата поступления рукописи в редакцию: 06.07.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 21.07.2025 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2025-6-259-262

РАДЖАБОВ Шамиль Раджабович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
e-mail: student26042004@mail.ru

БАТМАНОВ Роберт Намикович,
магистрант Северо-Кавказского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ КОСВЕННОГО УМЫСЛА ОТ ПРЕСТУПНОГО ЛЕГКОМЫСЛИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. *В настоящей статье проводится анализ некоторых актуальных вопросов о необходимости разграничения таких видов вины, как косвенный умысел и преступное легкомыслие. В статье обосновывается данный вопрос, исходя из теории и практики уголовного права. Правильная квалификация содеянного позволяет восстановить социальную справедливость.*

Ключевые слова: *уголовное право, вина, умысел, легкомыслие, косвенный умысел, критерий, неосторожная форма.*

RADZHABOV Shamil Radzhabovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Procedure North Caucasus Institute
(branch) All-Russian State University of Justice
(Russian Ministry of Justice)

BATMANOV Robert Namikovich,
Master's Student of the North Caucasus Institute
(branch) All-Russian State University of Justice
(RPA Ministry of Justice of the Russian Federation)

PROBLEMS OF DISTINGUISHING INDIRECT INTENT FROM CRIMINAL FRAUDULENT BEHAVIOR: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

Annotation. *This article analyzes some relevant issues regarding the need to distinguish between such types of guilt as indirect intent and criminal negligence. The article substantiates this issue based on the theory and practice of criminal law. Proper qualification of the offense allows for the restoration of social justice.*

Key words: *criminal law, guilt, intent, carelessness, indirect intent, criterion, negligent form.*

Еще в XIX в. было отмечено, что «учение о виновности и его большая или меньшая глубина есть как бы барометр уголовного права. Оно — лучший показатель его культурного уровня» [1].

Основополагающий и фундаментальный принцип ответственности за деяния, совершенные только при наличии вины, впервые нашло свое отражение лишь в УК РФ.

Так, согласно ст.5 УК РФ «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина».

Кроме того, в ч. 2 той же статьи содержится прямой запрет на объективное вменение. «Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не

допускается». Уголовное преследование лица исключительно на основании установленного факта совершения им действия недопустимо. Принцип объективного вменения, при котором уголовная ответственность определяется исключительно наступившими общественно опасными последствиями деяния или представляемой общественной опасностью самого субъекта, является неприемлемым. Официальное закрепление подобного подхода в законодательной базе может трансформироваться в средство подавления и репрессий.

С. А. Якушкин полагает, что «принцип вменения вины оказывает прямое воздействие на развитие правовой системы государства и общества. От выбора принципа субъективного или объективного вменения вины зависит направление развития и функционирование системы общественных отношений» [2]. Следовательно, для установления ответственности требуется сочетание как объективных, так и субъективных элементов. В частности, необходимо установить наличие конкретного действия в объективной действительности, а также вину лица, осуществившего данное действие. Это означает, что ответственность не может быть определена только на основании внешних обстоятельств или только на основании внутреннего состояния лица. Необходимо учитывать оба аспекта, чтобы прийти к обоснованному и справедливому заключению. Объективные признаки позволяют установить факт совершения деяния, а субъективные - определить степень вины и намерения лица, его совершившего. Только при наличии обоих элементов можно говорить о наличии основания для наступления ответственности.

Элементами вины как психического отношения выступают сознание и воля, которые в своей совокупности образуют ее содержание. Различные сочетания интеллектуального и волевого элементов образуют две формы вины — умысел и неосторожность, по отношению к которым вина является родовым понятием. Признать лицо виновным — значит установить, что оно совершило преступление либо умышленно, либо по неосторожности.

В структуре вины, понимаемой как психологическое отношение, выделяются два ключевых компонента: осознание и волеизъявление. Их взаимодействие формирует сущность вины. Различные комбинации интеллектуального и волевого аспектов определяют две основные формы вины: умысел и неосторожность. Вина, в свою очередь, является общим понятием по отношению к этим двум формам.

Установление виновности лица подразумевает констатацию факта совершения им преступного деяния либо преднамеренно, либо в результате проявления неосмотрительности. Иными словами, для признания лица виновным необходимо доказать наличие умысла или неосторожности в его действиях, приведших к совершению преступления. Сознание и воля, таким образом, являются необходимыми элементами для определения вины.

Для достижения указанной цели требуется точное определение формы вины, что подразумевает умение различать неосторожные и умышленные действия. В правоприменительной практике нередко возникают ситуации, когда деяния кажутся идентичными по своим объективным характеристикам. Однако, именно субъективное отношение лица к совершаемому действию позволяет провести разграничение между, например, убийством и причинением смерти по неосторожности, или между умышленным уничтожением чужого имущества и его уничтожением или повреждением по неосторожности.

Отграничение таких внешне схожих деяний представляет собой ключевую задачу правоприменительных органов. Это обеспечивает корректную квалификацию действий (или бездействия) субъектов правоотношений. Точная квалификация необходима для справедливого применения норм права и назначения адекватного наказания, соответствующего степени вины и характеру совершенного деяния.

Различие между преступным легкомыслием и косвенным умыслом во многом определяется тем, насколько конкретно или абстрактно лицо осознавало возможность наступления общественно опасных последствий своих действий. Ключевым фактором является характер предвидения.

Многие исследователи подчеркивают, что при косвенном умысле виновный предвидит вполне определенную вероятность наступления негативных последствий. В то же время, при легкомыслии осознается лишь общая, абстрактная возможность их возникновения в результате действия или бездействия. Иными словами, разница заключается в степени детализации предвидения опасности.

Справедливо в своих трудах отмечает В.Е. Квашис, «делает изначальное осознание общественной опасности абстрактным. Вначале субъект ее осознает, а затем именно применительно к данной ситуации исключает возможный вред. Здесь имеет место осознание опасности «вообще», которое нейтрализуется уверенностью в не наступлении вредных последствий, и, следовательно, осознание общественной опасности преступления отсутствует»[4].

При косвенном умысле, способность предвидеть наступление общественно опасных последствий рассматривается как вполне

вероятная. Это подразумевает, что во время совершения преступного деяния, преступник осознает, что эти последствия являются естественным итогом развития причинно-следственной связи в конкретных обстоятельствах. Если же субъект не связывает возможность наступления опасных последствий с данной конкретной ситуацией, то есть осознает вероятность таких последствий только в других схожих ситуациях, то умышленная форма вины исключается. Иными словами, если осознание опасности не относится к рассматриваемому случаю, то косвенный умысел не может быть установлен [5]. Таким образом, ключевым аспектом косвенного умысла является осознание реальной возможности наступления вредных последствий именно в контексте совершаемого деяния. Отсутствие такой связи исключает умышленную вину.

В заключение необходимо акцентировать внимание на различиях в предвидении общественно опасных результатов при легкомыслии и косвенном умысле. Преступное легкомыслие отличается предвидением теоретической вероятности наступления вредоносных последствий действий, в то время как косвенный умысел предполагает осознание реальной возможности их наступления. Именно этот характер предвидения позволяет четко разграничить данные формы вины. Если бы при легкомыслии лицо предвидело реальную возможность наступления опасных последствий, то такая форма вины не могла бы считаться неосторожностью, поскольку границы с косвенным умыслом были бы размыты.

Во время совершения социально вредного поступка, субъект достаточно ясно представляет себе возможную причинно-следственную связь и наступление опасных для общества результатов. М.С. Гринберг подчеркивает, что при легкомыслии, предвидение субъектом вероятности наступления опасных последствий в конкретной ситуации, сочетается с риском их реализации и, следовательно, с сознательным согласием на их наступление. Это размывает границу между легкомыслием и косвенным умыслом [6]. Чтобы наглядно показать различия между косвенным умыслом и преступной небрежностью, рассмотрим типичные ситуации.

Б. родила дочь С. При рождении малолетней С. был поставлен диагноз: врожденный порок сердца, а также дефект межжелудочковой перегородки, что является угрожающим для ее жизни и здоровья. Некоторое время С. находилась на обследовании в научноисследовательском институте, где был подтвержден ее диагноз, а состояние было оценено как состояние средней тяжести. Чуть позже малолетняя С. была осмотрена участковым педиатром и кардиологом, они обнаружили ухудшение состояния С., ей нужна была срочная госпитализация. От госпитализации Б., являясь законным представителем С., отказалась. В дальнейшем Б. уклонялась от врачебного наблюдения за С., отказалась от медикаментозного лечения и хирургического вмешательства, но стала практиковать нетрадиционные методы лечения и обратилась к парапсихологу, который, по мнению Б., оздоравливал дух С. и смог бы излечить имеющееся у С. заболевание. В конечном итоге малолетняя С. скончалась [3].

Приговор по делу Б. демонстрирует пример преступления, совершенного по легкомыслию, и квалифицирован по ч. 1 ст. 109 УК РФ как причинение смерти по неосторожности. Суть дела заключается в следующем: мать знала о серьезном врожденном пороке сердца у своей несовершеннолетней дочери, требующем обязательной операции для сохранения жизни. Несмотря на это знание и предвидя наступление смерти дочери в случае отсутствия необходимой медицинской помощи, женщина отказалась от госпитализации и хирургического вмешательства. Вместо этого она самонадеянно полагала, что сможет предотвратить трагический исход, используя нетрадиционные методы лечения.

Важно отметить, что мать не бездействовала, а предпринимала попытки помочь ребенку, хоть и прибегая к неадекватным в данной ситуации средствам. Она надеялась на конкретные обстоятельства и активно пыталась предотвратить неблагоприятный исход. Однако ее действия, продиктованные легкомыслием, привели к смерти ребенка, что и послужило основанием для обвинительного приговора. Применение права осложняется случаями, когда человек, не имея веских оснований, чрезмерно уверен в предотвращении опасных последствий не своими действиями, а благодаря другим людям, функционированию устройств или естественным законам. В подобных обстоятельствах провести четкую границу между преступным легкомыслием и косвенным умыслом становится особенно затруднительно, в особенности, если деяние выражается в открытом пренебрежении социальными нормами. Разграничение этих понятий требует тщательного анализа обстоятельств дела.

Волевой момент преступного легкомыслия и косвенного умысла характеризуется нежеланием наступления общественно опасных последствий, однако при косвенном умысле лицо относится к этому безразлично, либо сознательно их допускает, либо надеется на «авось», тогда как при легкомыслии оно рассчитывает на конкретные обстоятельства, способные предотвратить наступление последствий, но этот расчет оказывается неоправданным. Сложность возникает из-за субъективного фактора – уверенности лица в том, что негативные последствия будут нейтра-

лизованы внешними силами, а не его личным вмешательством. Ошибочная уверенность может привести к опасным ситуациям, где грань между преступной халатностью и осознанным допущением вреда размывается. Явное нарушение общественных правил лишь усугубляет проблему квалификации деяния.

Таким образом, можно отметить, что несмотря на обширную литературу, посвященную изучению субъективной стороны преступления, включая вину и ее формы, квалификация преступлений по субъективным признакам представляет собой сложную задачу для практических работников правоохранительных органов, таких как следователи, дознаватели и судьи.

Ошибки в применении права, связанные с установлением вины, обусловлены несколькими факторами. Во-первых, законодательные определения умысла и неосторожности содержат оценочные категории, что затрудняет их интерпретацию и применение в конкретных случаях. Во-вторых, сложность заключается в установлении и доказывании индивидуального психического отношения лица к совершаемому деянию и наступившим общественно опасным последствиям. И в-третьих, недостаточная теоретическая подготовка сотрудников правоприменительных органов также вносит свой вклад в возникновение ошибок.

Список литературы:

[1] Фельдштейн Г.С. Природа умысла. М., 1898. С. 2.

[2] Якушкин С.А. Преимущества принципа субъективного вменения вины в уголовном праве// Бюллетень науки и практики. 2017. №6 (19). С. 302.

[3] Приговор Центрального районного суда г. Новосибирска от 31.05.2012 г. [Электронный ресурс]. Уголовное дело № 1-119/2012. https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-novosibirska-novosibirskaya-oblasts/act-105914442/.

[4] Квашис В.Е. Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток, 1986 С. 25.

[5] Батычко В.Т. Уголовное право. Общая и Особенная части: курс лекций. Таганрог: ТРТУ, 2006 С. 26.

[6] Гринберг М. С. Понятие преступной самонадеянности // Правоведение. 1962 № 2 С. 102

Spisok literatury:

[1] Fel’dshtejn G.S. Priroda umysla. M., 1898. S. 2.

[2] Yakushkin S.A. Preimushchestva principa sub”ektivnogo vmeneniya viny v ugolovnom prave// Byulleten’ nauki i praktiki. 2017. №6 (19). S. 302.

[3] Prigovor Central’nogo rajonnogo suda g. Novosibirska ot 31.05.2012 g. [Elektronnyj resurs]. Ugolovnoe delo № 1-119/2012. https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-novosibirska-novosibirskaya-oblasts/act-105914442/.

[4] Kvashis V.E. Prestupnaya neostorozhnost’. Social’no-pravovye i kriminologicheskie problemy. Vladivostok, 1986 S. 25.

[5] Batychko V.T. Ugolovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti: kurs lekcij. Taganrog: TRTU, 2006 S. 26.

[6] Grinberg M. S. Ponyatie prestupnoj samonadeyannosti // Pravovedenie. 1962 № 2 S. 102c.

